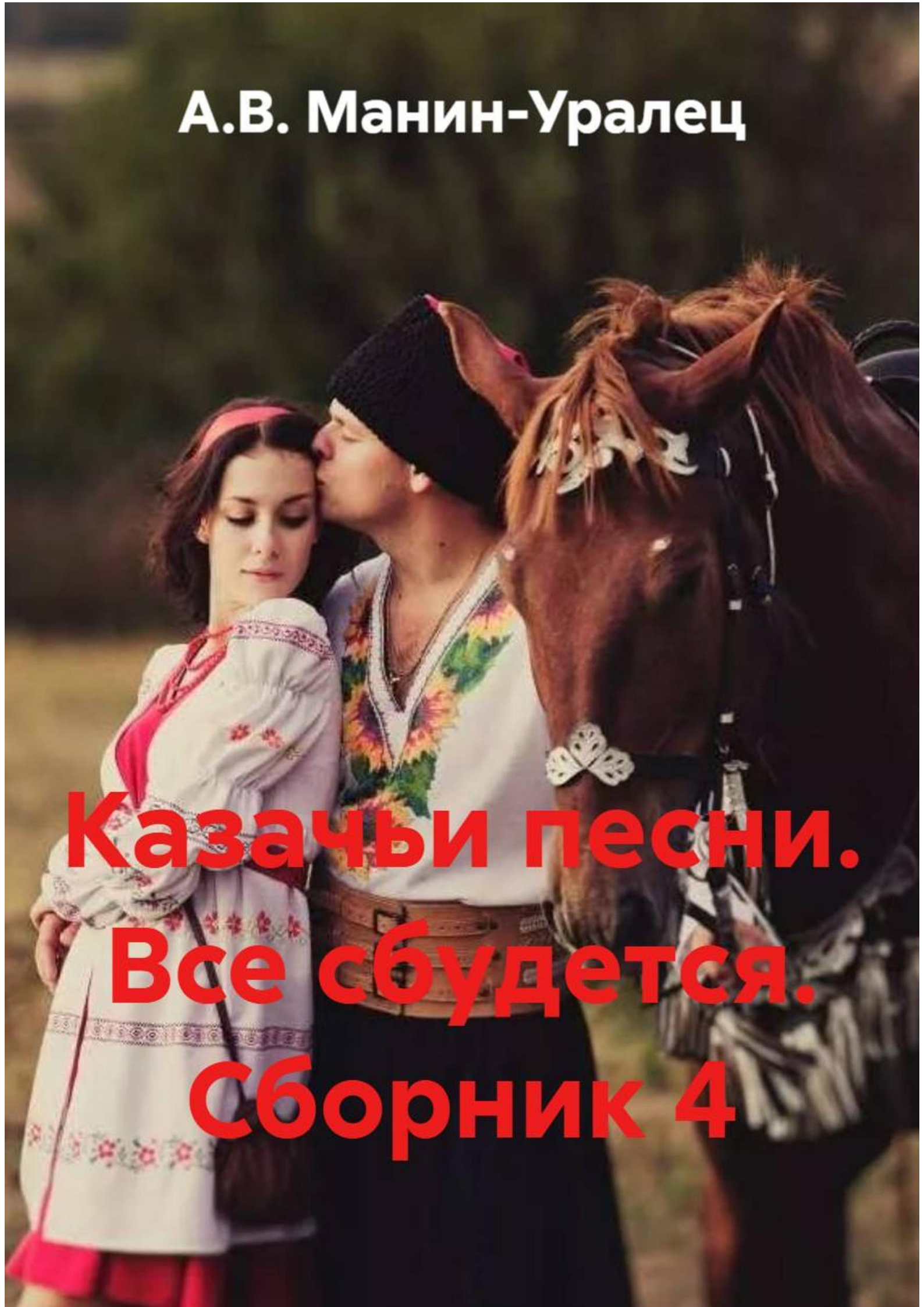

А.В. Манин-Уралец

**Казачьи песни.
Все сбудется.
Сборник 4**

А.В. Манин-Уралец

**Казачьи песни. Все
сбудется. Сборник 4**

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Казачьи песни. Все сбудется. Сборник 4 / А. Манин-Уралец —
«Автор», 2026

Казачьи песни «Все сбудется» - 4-й сборник, созданный в 2015 году в рамках деятельности общественного учреждения - Академии истории и культуры русского казачества России» (АИК РКР). В песенном сборнике частично использованы стихи, вошедшие в эпическую поэму автора «Казачий Дон».

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Все сбудется тут!	5
От истока	7
На душе пожар	8
Любовь не приснилась	11
Верный клятве	12
Воронежье	13
В русский мир...	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

А.В. Манин-Уралец

Казачьи песни. Все сбудется. Сборник 4

Все сбудется тут!

Грачи через Дон прилетели. И ветки
Вчерне изменили деревьев покров.
Вдоль яра казак и казачка - в отместку
Обманутым чувствам - пытаются любовь.

Пытают любовь!

Оборочек юбки касается ветер,
Шуршат недалеко уже камыши,
Годятся в поджежку от прошлого лета –
Любовь даст тепла и утехи души.

Утехи души!

А с летом погожим проснутся урюмы,
Терновники местом любви прорастут,
И скроют влюбленных от взоров угрюмых
Обрывов вдоль яра. Все сбудется тут.

Все сбудется тут!

Отсюда любовь перекинется выше,
В донские сады, что, как снег, отцветут,
И где будут схожи мясистые вишни
С губами любви. И все сбудется тут.

Все сбудется тут!

Горит костерок, стелет Дон покрывала
Над берегом, близко примкнувшим к холмам.
И, юбку оправив, казачка привсталала:
Настала пора разойтись по домам.

Пора разойтись по домам!

Ему же вставать неохота, казак он -
Есть силы любить и стоять в стременах.
На волнах, весь в пене, качается бакен,
Готовый хоть вечность качаться в волнах.

Готовый хоть вечность качаться в волнах!

Донская история, музыка клятвы,
И вечные стоны обманной любви.
Грачи встрепенулись, и черные кляксы
Деревья пролили до самой земли.
Все вновь повторится, но первыми были
Казак и казачка, что крались любить.
Сбылось все давно, ведь уже полюбили,
А что им теперь - Дон покажет, как быть...

Дон покажет, как быть!

Зачем нам история этой измены?
Зачем нам история этой любви?
Текут донских рек их иссиние вены,
Подонье, как всякое «донье» - в крови.
В крови и надежде, что старое – сгинет,
А что не любимое – то отойдет,

И небо над Доном останется синим,
Как видел вначале казачий народ.

Казачий народ!

От истока

От истока Дона, с Иван-озера
Путь бежит воды, сливаясь в Дон.
Казака и било, и занозило,
Но преодолел преграды он.
Путь его лежал к Земле Воронежской,
Там России выдвижной редут.
Коль в засеках тульских не схоронишься -
Что ж, тебя как брата примут тут!
Будешь ты до самой белгородской
Засечной таинственной черты
Нести свою службу. Любят броских
Северо-донские казаки.

Будешь ты до самой белгородской
Засечной таинственной черты
Нести свою службу. Любят броских
Северо-донские казаки.

Сразу видно: род твой любит вольницу,
Проливал и кровь из синих вен:
Под Азовом и на Волге – в розницу,
И еще - у Перекопских стен;
И по всей Азова акватории.
Доблестный народ – казачий род
И в Придонье жил, и в Приазовии,
Укреплял Руси един народ.
Броский – значит джигитовкой правленный,
Так, как правят шашки казаки,
И с душою - в стон, но не отравленной,
В берегах целительной реки.

Броский – значит джигитовкой правленный,
Так, как правят шашки казаки,
И с душою - в стон, но не отравленной,
В берегах целительной реки.

Броский – может, «бродский, загорелистый»,
Может, и «аланский он русак»;
Всех, кто жил в любви Придонья, прелести
Он в себя вобрал, лихой казак.

Всех, кто жил в любви Придонья, прелести
Он в себя вобрал, лихой казак.

На душе пожар

За Доном лес, за Доном близко,
Как мел, манит загадкой мар –
Курган сарматский, а, может, скифский,
А на душе у нас пожар.

А на душе у нас пожар!

В твоих глазах, в щеках смуглявых,
Я вижу плен далеких вех,
Когда казак в мешок дырявый,
Взял полонянку для утех;

Взял полонянку для утех!
Привез в курень - ясак не лишний.
И здесь варила кулага,
И мать с лапшой мешала вишни
И наливала молока.

И наливала молока!

И подошел к той полонянке
Родной отец, сказал в усы:
Ну, что ж, продолжи род, Иванка,
Такой не видел я красы.

Такой не видел я красы!

А мать в сердцах оборки юбки
Приподняла и в дом ушла.
А та степнячка, взором юрким
Все здесь в хозяйстве поняла.

Все здесь в хозяйстве поняла!

Ты не успел и оглянуться:
Густая мошка с морд быков,
Успела в ветошь окунуться.
А сон ушел, и был таков.

А сон ушел, и был таков!

И твою пленницу в тревоге
На ночь укрыли на базу;
И таз спросила помыть ноги.
А ни в одном нет сна глазу!

А ни в одном нет сна глазу!

А утром гарнушка курилась,
И камни печи во дворе
От кизяков пораскалились,
И хлеб здесь пекся детворе.

И хлеб здесь пекся во дворе!

Теперь у нас свои детишки,
Чуть-чуть смуглы они у нас.
Склевали куры все излишки,
Ну, а петух косит свой глаз.

Ну, а петух скосил свой глаз!

Он тоже смотрит на Задонье,
Там опускается закат.
И под луной, в степи бездонной
Спешит с добычею сармат.

Спешит с добычею сармат!

Он был в степях далеких русских,
И кто-то был в его мешке.
В его глазах, от жажды узких,
Стояла сеча вдалеке.

Стояла сеча в далеке!

Теперь за Доном стоят юрты,
Черкесский край, казачий край,
И кто-то, в ком славянство стерто,
К губам свой приложил курай.

К губам свой приложил курай!

Играет он на этой дудке,
А Дон течет в извивах лент.
В твоих глазах, как в незабудках –
Грустинка в даль ушедших лет.

Грустинка в даль ушедших лет!

Но не мешает та грустинка.
И курайсы играет пусть,
Ведь наша жизнь, как та тростинка,
Которой вызывают грусть...

Жизнь вызывает нашу грусть!

Любовь не приснилась

Всюду вижу край казацкий,
Где течет мой славный Дон,
Не живут здесь, словно, в сказке:
Не былин не помнит он.
Что свершилось – то явилось
Не туманом в головах.
И любовь нам не приснилась:
Хоть и вся душа во швах...

Хоть и вся душа во швах!

Обмолочена солома,
В сенник сложена гуртом.
Мы с тобою в счастье снова,
И ловлю я губы ртом.
Завтра всполох нас разбудит,
И я плеть возьму, стегну:
На прощанье, не забудешь
Несвершенную вину.

Несвершенную вину!

Так положено в казачьей
Стороне - учить вперед.
Но не станем слишком мрачно
Провожать меня в поход.

Плеть в сторонке, мы в объятьях.
Ну, а если пропаду,
Кто-то из казацких братьев
Заберет тебя, жену.

Заберет тебя, жену!

Так ведется в нашей жизни.
Только всполох – мы в строю:
Постоим мы за отчизну.
А пока - я здесь стою.
Прижимайся, кольцом нежным
Мое тело обвивай,
На прощанье будь прилежней.
Будь прилежною!.. Прощай!

Будь проилежною!.. Прощай!

Верный клятве

Уходил казак села защитником,
Всех станиц, казачих куреней,
Оставляя дома семью житников,
Верный клятве: жизни не жалеи!

Оставляя дома семью житников,
Верный клятве: жизни не жалеи!

Ну, а в прошлом, что ушло туманами,
Жил казачий этнос, креп и рос, -
Вольным скифством, вольными аланами,
И в себя побег сарматский внес.
Половцы, хазары с печенегами,
Кто был влиться в этот этнос рад,
Также взрос в народе том побегами,
В Русский позже влился каганат.

Также взрос в народе том побегами,
В Русский позже влился каганат.

И татары с торками, черкесские,
И киргиз-кайсацких гор, степей,
И что ближе к Индии, - узбекские,
Те, что послал с севера Борей...
Пояса казачьего величие -
От донских земель сквозь млечность стран.
Тихий Дон включал в себя отличия
И тянулся в Тихий океан.

Тихий Дон включал в себя отличия
И тянулся в Тихий океан.

От того есть признак Приазовия
На Яике, где шумит Арал.
На «Узле воронежском» - в Подонии
Этнос свой, казачий, возрастал.

На «Узле воронежском» - в Подонии
Этнос наш, казачий, возрастал!

Воронежье

На городских и на станичных –
Полковых, сторожевых делил
Казачьих привольных пограничных
Царь донской. Воронеж восходил!
Верховой столичный стан казачий –
Крепость – град Воронеж – возвещал:
От реки Воронеж обозначен
Путь на юг, где Тихий дон «дичал».

От реки Воронеж обозначен
Путь на юг, где Тихий дон «дичал».

В «Дикие великие просторы»
Воевода Баркин направлял
Казачьих. И подчинялось море
Тем, кто в Приазовье прибывал.
И вскипал песок Причерноморский,
И скакал казак по дюнам кос:
В Турции, в Крыму столкнуться жестко
С силою казачьей довелось.

В Турции, в Крыму столкнуться жестко
С силою казачьей довелось.

Всюду был казак почетной силой,
И врага разил как Божий пест.
Но врага презренного, скосив, он,
Тигром сына вражьего не съест.
Так в скрижалях писано казачьих:
Бей врага, но сына не презри,
Ну, а коли он взял меч и в драку -
Будь он мил, - с достоинством умри!

Ну, а коли он взял меч и в драку -
Будь он мил, - с достоинством умри!

На корнях веков стоял Воронеж,
Лукоморья дуб стоял и здесь,
В песнях восставал, когда лишь тронешь
Душу, что хранил и дол, и лес.
И река Воронежская тихо,
Материнским нежным молоком
В Тихий дон вливалась. Петр лихо
Превращал Подонье в край морской.

В Тихий дон вливалась. Петр лихо

Превращал Подонье в край морской.

Шли Подонья храбрые питомцы -
При Петре - в пределы южных шлях,
Стали, кто был дома, - однодворцы;
Ширился Воронеж в слободах.
Вот и стал до самой белгородской
Засечной таинственной черты
Нести свою службу. Любят броских
Северо-донские казаки.

Нести свою службу. Любят броских
Северо-донские казаки.

Сразу видно: род твой любит вольницу,
Проливал и кровь из синих вен:
Под Азовом и на Волге – в розницу,
И еще - у Перекопских стен;
И по всей Азова акватории.
Доблестный народ – казачий род
И в Придонье жил, и в Приазовии,
Укреплял Руси един народ.

И в Придонье жил, и в Приазовии,
Укреплял Руси един народ.

Те, кто однодворцем стал в Воронеже,
С Войском Дона связей не терял,
И не зря поход Степана Разина
Град Воронеж вольный поддержал.
Мир монастырей святых прославленных
Воздвигал воронежский анклав.
«Укрепи донское православие!» -
Бронзой возвещал церковный сплав.

«Укрепи донское православие!» -
Бронзой возвещал церковный сплав.

В русский мир...

В русский мир воронежец с победами
Вез свой хлеб, сукно и пороха...
Кто опять прибыл, теперь доведывай,
В чем твоя варится здесь «юха»?
Так здесь спросят, кто решил с казаками
Жизнь сплести, донским джигитом стать.
Многого зазря не накалякают:
Прежде надо норов обуздать.

Многого зазря не накалякают:
Прежде надо норов обуздать.

Нежеребь, - гляди, вон: не объехали.
И какой конек ее еще?
Меринок стоит, и - не потеха ли? -
Пузыри надул в желваках щек!
Так и ты, приехал в стан воронежский,
Просишься в казачий стан, в семью,
Ну, а вдруг не тесан? Проворонишь ведь
Жизнь казачью, да дурну свою?!

Ну, а вдруг не тесан? Проворонишь ведь
Жизнь казачью, да дурну свою?!

Ой, вы, братцы, поклянусь я клятвенно,
Дайте булаву - не подведу!
И прошу упросом: еще дайте мне
Юную невесту: пропаду!

И прошу упросом: еще дайте мне
Юную невесту: пропаду!

Казаки смеются над потешистым:
Здесь суровый край – не хоровод;
Здесь, в Подонье, чуть суровой вешинских,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.